МИТРОПОЛИТ
АФАНАСИЙ ЛИМАСОЛЬСКИЙ

Искусство молитвы

Искусство молитвы

Прежде всего хочу сказать, что молитва — это естественное служение человека. То есть когда человек молится, тогда он на самом деле действует естественно, соответственно тому, каким Бог его создал. Для человека естественно быть обращенным к Богу. Это состояние прервалось после грехопадения, и ум человека уже с легкостью рассеивается. Ум человека убежал от Бога и обратился к чувственным вещам, будь то так называемые материальные предметы или страсти, наслаждения, грехи. Следовательно, одно из основных условий для молитвы — достижение человеком, насколько это возможно, свободы от своих страстей.

Сейчас мы проходим период поста. Телесный пост является одним из важных условий для молитвы. Отцы говорят, что когда человек постится, то даже его кровь каким-то образом утончается, что очень помогает ему в молитве. То есть когда человек хочет жить духовной жизнью, одно из первых

дел, какие ему следует совершить — это начать поститься. И самый легкий вид поста — это воздержание от еды.

Однако нечто большее, чем этот пост, есть пост духовный, воздержание ума, то есть когда человек начинает отсекать все ненужные вещи, какие он собирает вокруг себя ежедневно. Как говорил старец Паисий, нужно перестать собирать мусор в наш ум. Ведь если человек целый день чем-то себя наполняет; если ум его узнаёт что-то новое, бывает занят множеством разных дел; если человек непрестанно говорит; если ум его принимает в себя множество образов — тогда все эти ненужные дела, весь этот мусор станет препятствием для человека, когда он пойдет молиться.

Молитва требует создания определенных условий. Она не совершается просто так; не будет так, чтобы мы нажали кнопку — и тотчас внутри нас начала совершаться молитва. Надо духовно трудиться, чтобы молитва дала результат. Ведь молитва есть итог всех духовных деланий, какие мы совершаем.

Телесный и духовный пост взаимосвязаны. Пост телесный отлепляет ум человека от вещественной пищи, очищает человека телесно. Подобное происходит и с постом наших чувств: всё излишнее отсекается, остается лишь существенно нужное. Святые отцы говорят, что когда человек ведет внимательную жизнь, то внимание, которое он имеет днем,

содействует освящению, которое человек получает ночью[1]. Итак, когда мы внимаем себе днем, тогда ум каким-то образом сберегает в себе эту силу внимания, и передает ее молитве. Мы не можем, например, после шумной ночи, когда мы предавались развлечениям: распевали песни, пили, танцевали — после всего этого сразу приступить к молитве. Ум наш не может собраться, это ему трудно.

Мудрость заключается именно в том, чтобы человек ограничивал себя, — не в том смысле, чтобы он отсекал всё, чем должен заниматься, живя в миру. Понятно, что мы имеем определенные обязанности, поскольку живем в обществе, поскольку многое наполняет семейную жизнь. И мы должны исполнять эти обязанности, но всё это должно совершаться в пределах необходимого. Куда бы я ни пошел, я сохраняю внимание, мой ум обращен на молитву. Когда я исполняю необходимые дела, они не являются большим препятствием в моей молитве, в этом случае человек легко возвращает к себе свой ум. Действительное же препятствие возникает тогда, когда человек занимается, по сути, бесполезными вещами, тем более если эти занятия связаны с нарушением Божией заповеди. Таким образом, молитва — это не психосоматический метод, такой

---

[1] *Владыка Афанасий имеет в виду ночную моливу. В Греции немало православных христиан совершают молитвенное правило ночью.*

как, например, йога; молитва — это не какое-то размышление, но это — синергия человеческой воли и благодати Святого Духа. Обязательно должна содействовать благодать Святого Духа, и если она присутствует, то это означает, что человек живет по духу заповедей Божиих.

Мы не можем молиться, или, по крайней мере, встречаем препятствие, если сознательно нарушаем заповеди Божии. Мы на собственном опыте видим, что лишь только приходим на молитву, тотчас наша совесть встает перед нами и, как высокая стена, не позволяет нам ощутить Святой Дух Божий. Она протестует: в чем-то мы преступили заповедь, в чем-то вольно или невольно не были внимательны, и, чтобы обратиться, с нашей стороны требуется подвиг покаяния.

Люди, которые в строгости, в борьбе и молитве проводили свою жизнь, на личном опыте вкусили, насколько трудное дело для человека — молиться, как говорится в чинопоследовании Литургии, со дерзновением, неосужденно. Я знал современных святых старцев, которые только из-за одного сказанного ими слова подвизались целыми месяцами, чтобы вернуть дух молитвы. Вспоминаю, как однажды мне рассказал один старец (сейчас он уже почил), как кто-то его спросил о его духовном отце, который по характеру был очень тяжелым человеком: «Как поживает Геронда, хорошо?» А он

ответил с некоторым недовольством: «Да что ему сделается? Э-э... хорошо поживает». И вот этот недовольный тон, допущенное при этом мысленное осуждение старца, то, что он представил его как бы не в очень хорошем свете — всё это стало причиной того, что благодать оставила его на целые месяцы, он не мог молиться. Он шел молиться и чувствовал перед собой словно стену, которая препятствовала приблизиться к нему Духу Божию. И ему пришлось со многими слезами, со многими поклонами подвизаться в том, чтобы мало-помалу загладить свой грех и обрести свое прежнее молитвенное состояние.

Неоспоримый факт: одно слово, один взгляд, одно движение нашей души способно изгнать из нас дух молитвы. Почему? Потому, что Бог хочет нас научить тому, что молитва — это результат всех остальных духовных деланий. Она — плод благодати, а благодать пребывает в человеке только благодаря хранению заповедей Божиих. Бог не действует там, где преступают Его заповеди, потому что это свидетельствует о том, что обрывается нить нашего общения с Богом, и мы сами добровольно оказываемся теми, кто ломает приемник, улавливающий волны Божественных энергий и благодати.

Как человек встречает препятствия в молитве от тех занятий, которые противоречат воле Божией, так он может и помочь себе духовными дела-

ниями, которые угодны Богу. Например, когда мы даем милостыню или оказываем поддержку нашим братьям добрым словом в их немощи, скорби и беде — одним словом, какую бы любовь мы не являли в отношении другого человека, мы получаем энергию благодати, которая необыкновенно помогает нам в молитве.

Также случается и противоположное: если мы отказываем в помощи нашему брату, результат этого — немедленное прекращение молитвы. Невозможно никогда, чтобы мы, отказав другому человеку в помощи, могли молиться. Это опыт жизни, и я думаю, все мы его имеем. Отцы шли на большие жертвы, только бы не потерять действия Божественной благодати из-за того, что они отказались дать кому-то ту или иную вещь. И много раз Бог дозволял, чтобы были испытаны люди Божии, Его служители, чтобы обнаружилось, действительно ли они соблюдут эту Божию заповедь. У меня на памяти множество примеров, когда ясно было видно, что по человеческой логике заповедь можно было бы исполнить с меньшей для себя жертвой. И, однако, когда человек следовал человеческой логике, Бог покидал его, и тот не мог ничего сделать.

Помню, когда я был в Новом Скиту, там был один старчик, отец Элпидий, киприот, святой человек. Он был человеком великой молитвы. Когда я пришел в нашу общину в Новом Скиту, мы

жили в ужасной нищете, не имели совсем ничего, часто даже еды. Этот старчик, поскольку раньше, до прихода на Святую Гору, некоторое время работал в Красном Кресте, каждый месяц получал маленькую пенсию. И вот на эту крошечную пенсию жил и он, и вся наша община, а нас было много. Часто к нам заходили разные просители милостыни (по Святой Горе ходит много таких людей). Старец всегда подавал всем. Никогда не было такого, чтобы кто-то приходил, а отец Элпидий ему не подавал хоть сколько-то. Конечно же, многие из тех, которые просили денег, не имели особой нужды: просить — это просто была их профессия. Пришел как-то один такой и говорит: «Геронда, дай мне тысячу драхм». Учтите, что в тот 1982 год, когда это происходило, тысяча драхм для Святой Горы была целым событием. Конечно же, мы, младшие, внимательно следили за старцем, боясь, что он раздаст все деньги. И вот я стоял неподалеку и говорю этому просителю: «Никакой тысячи драхм». Мы знали про этого человека, что он был обманщик. И вот я говорю старцу: «У него есть деньги, это его профессия — просить. А у нас здесь такая нужда! Дай ему поменьше, дай ему пятьсот драхм». «Ну хорошо, пусть будет пятьсот», — ответил старец, он был очень простым. Отец Элпидий взял пятьсот драхм, отдал их мнимому нищему и тот ушел. После вечерни мы увидели, что старец очень расстроен, ме-

ста себе не находит. Он сказал мне, что чувствует, что сегодня он не вместе с Богом. Но что же он такого сделал? Он сказал, что сегодня приходил проситель милостыни и попросил тысячу, а мы не дали ему. «Как не дали, Геронда, мы дали ему! Мы дали ему пятьсот драхм! Больше мы не могли. Больше у нас нет. Сколько могли, столько дали», — сказал я. «Нет, — ответил он, — пойди и отыщи его, дай ему остальные пятьсот, я не могу молиться. Я потерял молитву. Ее нет у меня». Мы взяли пятьсот драхм, пошли по монастырям, нашли того монаха и отдали ему деньги, которые он просил. Не потому что мы были его должниками или имели перед ним какую-то обязанность. Итак, вы видите, что у духовных людей иные мерки.

Подумайте об этом, подумайте: невозможно молиться, когда мы нарушаем заповедь Божию, а в особенности, когда оставляем заповедь о любви. Мы же не только ее не соблюдаем, но по большей части имеем в сердце ненависть, вражду и злобу. Между тем другие грехи — более грубые и, наверное, более тяжкие — могут оказаться гораздо меньшим препятствием для нашей молитвы. Даже в том случае, когда совершен плотской грех, если человек смиряет себя перед Богом и стоит перед Ним как уязвленный и израненный, его молитва может быть услышана. Но когда мы нарушаем заповедь о любви, то этого препятствия нам преодолеть

невозможно. Я думаю, что в этом отношении Бог не допускает компромиссов, ведь Он Сам сказал: «Если ты пойдешь к жертвеннику принести дар твой и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь дар твой, пойди примирись с братом и тогда возвращайся». Христос не сказал: если ты придешь принести дар (то есть придешь помолиться), и будешь иметь плотской грех, будешь иметь какой-то иной грех, то пойди сначала и разберись с этим, а потом приди... Нет, Он этого не сказал. Он говорил о любви, и о любви определенного рода, о любви к брату. И из опыта отцов мы знаем, что есть нечто, чего Бог никогда не допускал. Он никогда не допускал помогать в молитве человеку, который в своем сердце имеет какую-либо страсть против другого человека. И более того, если говорить точнее, Бог не будет нам помогать в молитве, если другой человек имеет что-то против нас. Именно об этом говорит здесь Евангелие. Оно не говорит: «Если ты имеешь нечто против твоего брата, улади это с ним», но: «Если вспомнишь, что брат твой имеет нечто против тебя», и это означает, что если у нашего брата на душе тяжело из-за нас, если он огорчен на нас и обиделся, тогда мы не можем молиться.

Конечно, вы скажете: «Отец, что нам делать? Есть люди, которые нас не любят, которым мешает даже наше присутствие. Как нам поступить?» Да,

это проблема. Апостол говорит: *Братья, если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми* (Рим 12, 18). Мы будем делать всё, что можем, чтобы иметь мир со всеми. Если же брат не успокоился, не принял нашего старания по отношению к нему, то это его дело. Однако мы обязаны сохранить свою совесть по отношению к брату, сделать всё возможное для того, чтобы его сердце не имело ничего против нас. Так, чтобы, когда мы предстанем на молитве пред Богом, совесть не обвиняла нас ни в чем.

Итак, этот момент очень важен, но мы, к сожалению, часто не обращаем на него внимания. И считаем, что достаточно, если говорим: «Я ни с кем не в ссоре». Мы можем при этом чью-то жизнь превращать в мучение, говорить друг другу множество грубостей, совершать против ближнего множество неблаговидных поступков — а после забываем о том. Я прогневался — и тотчас об этом позабыл. Говорим: «Прошло две минутки, и я всё забыл». Ну хорошо, у тебя всё прошло через две минуты, а твой ближний это два года помнит. Что же нам делать? Ты выходишь из себя от гнева, переворачиваешь всё вверх дном, и потом у тебя всё проходит, однако другой человек душевно травмирован. Эта его травма, его тяжесть на сердце означают для тебя препятствие в молитве, и если бы ты был человеком молитвы, то понял бы, что между тобой и Богом стоит стена. И если бы у тебя было побольше рассудительности,

ты бы понял, что это препятствие возникло от того, что твой брат имеет нечто против тебя.

К сожалению, все мы без исключения имеем людей, которым мы не нравимся. Но нам невозможно скрыться, так чтобы нас видели только те, которые хотят нас видеть. К сожалению, для тех, кто нас не любит, само по себе наше существование — проблема, для них просто видеть нас — уже тяжело.

Когда мы, христиане, по слову Божию, вызываем у других чувство ненависти, то в этом случае мы бываем виноваты, если не делаем, что можем, для того чтобы упокоить наших врагов. Не пойдем раздражать нашего врага, не станем беспокоить его, чтобы не оказаться виновными. Не беспокой другого человека, если видишь, что он из-за этого сердится.

Во-вторых, мы виноваты в том случае, если не молимся за тех наших братьев, которые нас не любят. Не молимся за них с болью, с большим напряжением. Потому что наш долг — покрыть своей молитвой всех тех, кто питает к нам неприязнь, и, опять сделать всё зависящее от нас для того, чтобы упокоить брата. Если же это, к сожалению, невозможно, тогда будем пребывать в молитве за брата. Здесь от нас требуется рассмотреть свою совесть, сказать себе: «Почему у моего брата возникли проблемы?» У нас есть склонность оправдывать себя: «Я ничего ему не сделал». Но ведь это твое

субъективное и относительное суждение! Человек Божий в такой ситуации говорит: «Пусть в данном конкретном случае я ничего не сделал, однако я сделал многое другое. Ведь если бы я действительно был человеком Божиим, то имел бы силу упокоить и того, кто, лишь только меня увидит, тотчас чувствует отвращение». И знаете, что он еще говорит? Он говорит: «Мой брат прав, действительно, всё так и есть, он справедливо от меня отвращается».

Итак, это свидетельство совести относительно нашего брата, этот факт любви есть непременное условие, чтобы мы могли помолиться. Иначе мы молиться не сможем. И это касается всех сторон нашей жизни. Скажем, в браке — как ты можешь помолиться, когда ты не упокоил твой собственный дом, твою вторую половину — твою супругу или твоего супруга, твоих детей? Нам невозможно молиться, если мы создали в своем доме обстановку вражды, злобы, холодности. Да, мы можем произносить слова молитвы, но наш дух не направляется в нее. И наоборот, когда человек смиряет себя и считает себя виновным в той или иной дурной ситуации, обращается с любовью к тому, кто находится с ним рядом, тогда благодать не замедлит прийти к нему. И мы видим в таких случаях, как наша молитва движется со всей силой. Всего лишь одно простое движение любви! То есть ключ, который вводит нас

в поток молитвы, — это любовь. Поэтому для молящегося человека необходимо подвизаться в любви.

Следующее, что приносит очень большой вред молитве — это осуждение. То, что мы осуждаем брата, означает, что мы его не любим. Когда мы осуждаем, то не можем молиться.

То же самое можно сказать и от противного. Если мы хотим помолиться, то должны научиться хорошо отзываться о всех людях. Великое дело для человека — научиться говорить о других людях только хорошее. Иначе говоря, это — избыток сердца человека. Авва Исаак говорит: «Если к тебе кто-то придет, говори с ним по-доброму, хвали его, целуй его руки и ноги, упокоивай его как можно больше, хвали его сверх того, что у него есть, говори о нем только хорошее, отзывайся о нем даже лучше, чем он того заслуживает». И это не лицемерие, не какое-то рабское поведение, но божественное благородство. Посмотрите: мы — наемники, потерявшие свое достоинство, негодные перед Богом люди. И, однако, Бог называет нас Своими детьми, Своими чадцами, Своими друзьями. Он отдает нам всю Свою любовь и делает это с великим благородством. Большое дело — научиться говорить по-доброму с другими людьми. Пусть из наших уст, как избыток нашего сердца, исходит эта любовь.

Между тем, к сожалению, для людей характерно то, что мы — несчастны. Как будто мы заплатить

должны за то, что скажем доброе слово человеку! Как будто у нас что-то вырвут, если мы о ком-то отзовемся по-доброму! Смотрите, почему так слабы супружеские связи? Потому, что один не скажет другому доброго слова. А это так просто! Мы христиане, а у себя дома муж не скажет доброго слова жене, жена не скажет хорошего слова мужу — слова, которое бы дало крылья другому человеку, которое изливается из глубины любящего сердца!

Тогда ты не только не можешь совершать молитву, но не можешь иметь и правильных отношений с людьми. В моей памяти целая вереница людей — я видел, с какой лаской они обращались с другими. Они обходились с ближним ласково, вплоть до самых мелочей, очень внимательно, чтобы ничем его не опечалить. Так, помню одного старца из Нового Скита, у которого было несколько виноградных лоз. Там в пустыни среди скал он выращивал кое-какие овощи, там у него росло несколько виноградных лоз. Время от времени в Скит приходили рыбаки — миряне, они обрывали виноград старца и ели его, так что сам старец ел его редко. Один раз он пришел и застал их в тот момент, как они срезали гроздья. Старец издали заметил происходящее и, не желая обидеть рыбаков, стал покашливать и напевать, чтобы те услышали и до его прихода успели что-то предпринять, чтобы им не чувствовать себя

униженно из-за того, что он увидел, как они зашли в его виноградник и срезали гроздья.

Когда такая тактичность отцов-подвижников будет применена и в семье, когда муж научится разговаривать с женой с такой же деликатностью, то всё придет в порядок. Например, ты понял, что жена вытащила из кармана твоих брюк 10 лир. Нет необходимости ходить на следующий день с надутой физиономией. Всё в порядке. Будь с супругой любезен. Ну просто смешной случай произошел, и всё.

Такое происходит, когда человек приобретает некую возвышенность духа. И когда он это приобретет, он поступает так не потому, что так велят ему поступать правила общества, но потому, что его занимает только одно — его отношения с Богом. Другие вещи его больше не интересуют. Мы жертвуем всем, лишь бы сохранить свои правильные отношения с Богом.

Другое важное условие для молитвы, чтобы она была услышана, состоит в том, чтобы мы предстояли пред Богом со смиренным образом мыслей и сокрушенным сердцем. Это искусство — так человек привлекает к себе Бога. Знаете, есть некоторые люди, которые нуждаются в милостыне, и которые столь воспитанны! Такой человек, даже если ты скажешь себе: «Ну нет, я ему ничего не дам!», ведет себя так деликатно, что сердце твое

не может ему отказать, и даешь ему даже с каким-то удовольствием! И если он просит 10, ты ему дашь 20, потому что он очень деликатный проситель. Или еще есть люди, которые ведут себя так. К примеру, сделал он что-то не то, и ты думаешь: «Ну все, сейчас пойду с ним разберусь, я ему покажу!». И мы готовимся: что бы ни случилось, в любом случае я его отругаю. Готовимся: что мы ему скажем, как мы это скажем, — скажем то, другое... То есть мы решительно идем, чтобы поругаться. Но у этого человека такой характер — он так вежливо нас встречает, что совершенно нас утишает, мы не можем с ним поругаться! Потому что он знает это искусство! Я знаю некоторых таких людей. Вот, к примеру, есть такой человек, он... ну совсем плохо соображает. Всё время куча ошибок. И вот один раз он опять что-то такое сделал — совсем не то, что я ему сказал, и я рассердился. Ну, думаю, сейчас я его отругаю! Я был настроен решительно: сейчас пойду и устрою скандал! Но он меня совершенно обезоружил, потому что когда я пришел, он так стал со мной говорить, с такой вежливостью, что я забыл всё, что хотел ему сказать. Я не смог его отругать. И это большое дело в очах Божиих.

Нам следует обучиться этому искусству. Когда мы предстанем пред Богом в молитве, будем иметь этот смиренный, сокрушенный образ мыслей, так чтобы душа тотчас устремлялась к соединению с

Богом. Это искусство молитвы, ключ, открывающий наше сердце для Бога. Будем говорить смиренно. Каждый человек, предстоя пред Богом, должен знать о том, что приводит его сердце в сокрушение и открывает его для Бога. Для каждого человека это что-то свое.

Это сокрушенное сердце привлекает к нам Бога. Никогда не будем оправдывать себя в молитве. Отцы во время молитвы чувствовали, что не существует человека худшего, чем они. «Я всех и всё превзошел грехом», — говорит один святой. «Всех превзошел грехом, — пишет он. — Нет человека, которого бы я не превзошел грехом». Когда мы встанем перед Богом на молитву, скажем Ему то же, что и мытарь: «Будь милостив мне грешному». И почувствуем, что именно мы виновны перед Богом. Бог — святой, Бог — всесильный, Он создал всё, Он — Отец наш. Он дал нам Свое богатство, а мы растратили его на грех. Что же подобает нам сказать? Только одно: «Отче, согреших на небо и пред Тобою». Видите, блудный сын не сказал никакого другого слова, но только: первое — «Отче мой», ты мой отец, а второе — «я согрешил на небо и перед Тобой». Только с таким расположением и мы можем предстоять пред Богом. Только это может нас спасти. Мы стоим перед Богом и призываем Его: смотри, у меня нет ничего, что я мог бы Тебе дать. У меня есть только одно. Это Ты. Ты — мой Отец,

Который дал мне Свою Кровь и Свое Честное Тело. Как говорили святые: Господи, ради Твоей святой Крови, Которую Ты излиял на Кресте, ради этой Крови помилуй меня.

Братья мои, могу сказать, что человек, который прочувствовал событие Жертвы Христовой, такой человек понял, что значит: Бог спас нас Честным Своим Крестом. Ничто иное нас не спасает.

И сейчас, перед тем как закончить, я сделаю одно необходимое замечание.

В молитве требуется также, чтобы человек никогда не принимал помысла перестать молиться. Если помысл говорит тебе: «Зачем ты молишься? И это после того, как ты только что нагрешил? После того как прогневался, наделал столько всего? Ты не сможешь молиться... Не молись!» Такой помысл не будем принимать никогда. Что бы мы ни сделали, какие бы грехи не совершили, мы имеем право на молитву. Никто не может отнять у нас этого права. Мы имеем право призвать Бога — Врача, нашего Отца, чтобы Он нас помиловал. Отцы говорят, что даже в момент совершения греха, даже в такой момент мы должны молиться. Мы можем сказать: «Боже мой! Посмотри, что я сейчас делаю. Я совершаю грех. В этот момент я творю грех — какой угодно, самый гнусный, самый мерзкий грех. Вот, пожалуйста, в этот момент я грешу. Призри на мя и помилуй мя! Подай милость Твою в то время, как я грешу».

Иначе говоря, мы не должны терять дерзновения к Богу. Мы должны призывать Его, даже если обременены грехом. Должны со смирением призывать Бога. Мы молимся Ему потому, что мы грешники. И когда ум наш уносится туда и сюда, когда мы идем молиться и внутри себя видим нечистые образы и хульные мысли, когда мы не верим ничему, когда вместо молитвы богохульствуем, — бывает и такое, — и в такой час мы не должны терять дерзновения. Всё это — ничто! Мы должны продолжать молитву. Бог, в конце концов, победит этот страх! Не будем паниковать, не будем скорбеть, пребудем в молитве. Что бы ни случилось, чувствуем мы что-то или нет, собран наш ум или нет, есть ли в нас тысяча нечистот или нет — пребудем в молитве. Что бы ни случилось — будем терпеливы. Тогда Бог посетит нас самым делом и даст нам познать многоценный плод молитвы.

Ново-Тихвинский женский монастырь был создан в начале XIX века. Первая настоятельница, игумения Таисия (Костромина), устроила жизнь обители в древних иноческих традициях. Сестры жили в трудах и молитве, обитель росла и процветала. После революции монастырь был закрыт, а через 70 лет, в 1994 году, началось его возрождение. В обители действуют иконописная и вышивальная мастерские, восстановлен главный храм монастыря — собор в честь святого Александра Невского. Совершая его освящение в 2013 году, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл преподал благословение, чтобы монастырь впредь именовался Александро-Невским Ново-Тихвинским.

В обители пребывают многие святыни: чтимая Тихвинская икона Пресвятой Богородицы, частицы мощей святого благоверного князя Александра Невского, святителя Николая Чудотворца, великомученика Пантелеимона, преподобной Евфросинии Московской, святых Киприана и Иустины и многих других святых. Каждый день после вечернего богослужения перед святынями совершаются молебны.

Более подробную информацию об истории и святынях монастыря можно найти на сайте **sestry.ru.**

Главный праздник монастыря — день Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, 9 июля. В этот день по традиции всем гостям праздника сестры дарят памятные подарки. В этом году таким подарком стала беседа известного современного проповедника митрополита Афанасия Лимасольского.

Всегда рады видеть вас в нашей обители! С праздником!

Александро-Невский
Ново-Тихвинский женский монастырь
Екатеринбург 2015